

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЗНАНИЕ» В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант 05-06-80287.

Анализируется трансформация концепта «знание» в постнеклассической науке. Объектом исследования постнеклассической науки являются сложные саморазвивающиеся системы. Их назвали «человекомерными» объектами не только потому, что они имеют спонтанный характер, функционируют как целостность, но и потому, что человек – составляющая этой целостности. Таким объектом является, например, биосфера. Показано, что модели знания историчны и, кроме того, изменяются в разных эпистемологических схемах. Вопрос «что значит знать?» вновь возник сегодня в постнеклассической науке. Это не только актуальная проблема современной эпистемологии, но и важная проблема социального бытия.

Наука подобна лодке, которую, если мы хотим перестроить, должны перестраивать доска за доской прямо на плаву.

Категория «знание» – основная категория гносеологии, о чем говорит само значение слова (гр. гносис – знание). Это понятие является предельно общим, поэтому трудно дать исчерпывающее его определение, любая дефиниция сама есть фрагмент знания. Еще в Античности философы решали вопросы: что есть знание, чем знание отличается от мнения, каков путь получения знания? Греческое «эпистема» обозначает знание. Греческое «докса» – мнение. Были выделены два образа знания: онтологический – знание как образец, ментальная копия реальности, и гносеологический – знание – метод, согласованность элементов опыта между собой. По Платону, душа «вспоминает», извлекает из самой себя то, что уже существует в ее глубинах – истинное знание. Теорией знания является теория корреспонденции как соответствия действительности, которая у Платона есть мир эйдосов. Платон (диалог «Теэтет») анализирует, что есть знание само по себе. Он сформулировал проблемы: соотношение общего и единичного знания, соотношение знания и убеждения, знания и ощущения, знания и незнания, знания и мнения. Сократ делает акцент на методе получения знания, таковым у него является майевтика – метод «родо-вспоможения», рождения мысли. У Аристотеля выделены уже не два, а множество типов знания (эпистеме, докса, техне, эмпейриа, пистис и др.). Знание трактуется как умение, схема деятельности. От Аристотеля идет деление знания на опыт и искусство.

В науке Нового времени знать – это знать, как измерить. В концепциях научного знания русских философов познать – значит полюбить (С.Л. Франк) или «уловить соритмичное бытию биение духа» (П. Флоренский). В герменевтических проектах познание представлено как интерпретация, в эпистеме Античности – как приобщение к Логосу – мировому Закону.

В интереснейшей дискуссии по вопросу «Псевдонаучное знание в современной культуре» прозвучала мысль, что сегодня распространено мнение, выдаваемое за выражение «постмодернистской чувствительности», когда теряется принципиальное различие между знанием и незнанием, истиной и ложью, наукой и ненаукой. Часть культурной элиты сегодня считает, что «исчезает пафос поиска истины» и торжествует игровое отношение к жизни. С одной стороны, наука еще не утратила память о том, что научное исследование есть движение к

Истине. С другой стороны, став «предприятием», социальным институтом, наука неизбежно приняла на себя все характерные черты этого рода деятельности. Плебейская наука служит не истине, а тем, кто обеспечивает научные предприятия, гарантирует их материальное благополучие¹. В прикладной науке знание принимает формы, ориентированные на технологическое использование, здесь главная его характеристика – не истинность, а эффективность.

Итак, для современной философии вновь актуальным представляется вопрос «что значит знать?» Предметом нашего исследования является научное знание, и еще точнее, знание как продукт постнеклассической науки. Нас интересует, меняется ли природа знания в связи с формированием новой постнеклассической парадигмы научности? Что значит знать, когда речь идет о познании сложных саморазвивающихся систем, включающих человека, – таков объект постнеклассической науки. Как видим, есть немало причин актуализации вопроса «что есть знание?», обусловленных особенностями социально-культурного бытия в целом и современным этапом научной динамики в частности.

Основанием исследования поставленной проблемы является типология развития науки, которая разработана акад. В.С. Степиным и применяется в современной эпистемологии для объяснения природы и динамики научного знания. Кроме того, научное знание – это всего лишь один из контекстов знания вообще. Научное знание и знание как феномен культуры соотносятся как часть и целое, поэтому следует опираться на наработанный в философии опыт осмысления феномена «знание».

Проблема знания имела специфические проявления в разные эпохи. Если в Античности в центре внимания была дилемма «знание – мнение», то в Средневековье – «знание – вера». В Новое время главной стала проблема источников знания. В эпоху Просвещения философы размышляли над соотношением знания и сознания. Знание – как ментальное состояние, как состояние сознания. В качестве основных видов знания принято выделять перцептивное знание (чувственно данное), повседневное знание (здравый смысл) и научное. Дальнейший опыт философского осмысления феномена «знание» позволил выделить такие аспекты проблемы знания, как деятельностный (знание как адекватное действие), семантический (знание как суждение), пси-

хологический (знание как объективное содержание мышления).

В самом общем плане знание можно понимать как сложную социальную программу действия. «Знание – форма социальной и индивидуальной памяти, свернутая схема деятельности, общения, результат обозначения, структурирования и осмысления объекта в процессе познания» – так определяет знание И.Т. Касавин². На наш взгляд, это достаточно емкое понимание, включающее разные аспекты и виды знания.

Однако основным объектом нашего исследования является научное знание. Научные исследования всегда вписаны в более широкий контекст, характеризующий способ познавательного отношения к миру, господствующий в конкретный исторический период. Познание является продуктом историческим и культурно-социальным, оно всегда определенным образом онтологически обосновано. Эти важнейшие положения, характеризующие природу познания, были осознаны и сформулированы в работах отечественных и зарубежных гносеологов.

Существует зависимость выбора модели знания от того, как понимается собственно процесс познания. В различных эпистемологических схемах знание как продукт познавательной деятельности определяется различным образом³. Среди многообразия трактовок научного знания наиболее известные – знание как информационная копия объекта, знание как представление, знание как утвердительное высказывание, ментальная конструкция. В созерцательной модели познания, трактующей познание как отражение объекта субъектом, как копирование объекта, знание понимается как информационная копия объекта. В средневековой культуре формируется новая когнитивная практика – герменевтическая. Знание в герменевтической модели формируется как интерпретация. Революцию И. Канта в философии Нового времени называют коперниканской революцией в гносеологии. Эта гносеологическая революция завершилась созданием репрезентативной модели знания, изменением вектора мышления: не от объекта к субъекту, а от субъекта к объекту. Знание становится представлением (репрезентативная модель), но представлением, которое не только субъективно конструируется, но постоянно проверяется и уточняется в практической деятельности. Начиная со второй половины XX в. теория знания как ментального представления поставлена под сомнение. В современном естествознании актуализированы такие познавательные схемы, которые обозначаются как диалоговая и эволюционная эпистемологии.

В диалоговой эпистемологии познание предстает как понимание, интерпретация. Глубокий и всесторонний анализ интерпретационистской когнитивной практики дает Л.А. Микешина в работе «Философия познания». В интерпретационистской модели познания знание толкуется как суждение, высказывание. Основными понятиями, с которыми сопоставляется знание, являются вера, достоверность, язык, концепт.

В работе Л.А. Микешина упоминается интересная классификация моделей знания американского профессора Р.Д. Мастерса. В ней выделены три принципиально различных подхода к знанию: интуиция, верифика-

ция (выдвижение и проверка эмпирической гипотезы) и соответствие образцу (pattern). Интуитивная модель связана с постмодернизмом, близка писателям, артистам. Согласно интуитивной модели знания, весь опыт носит субъективный характер, познание предстает как интуитивное понимание. Познание тождественно чувствованию. Верификация, или эмпирическая проверка гипотезы, – это общеизвестная модель научного познания. Она представлена как в позитивизме (логический позитивизм), так и в постпозитивизме, например фальсификационизм К. Поппера. Здесь знание возникает как форма его «делания», исследователь конструирует то, что может быть проверено в эксперименте. Третья модель – соответствие образцу, «делание под паттерн». Здесь знание возникает как состязание образца и мысли. В отличие от интуиции, где познание тождественно чувствованию, или верификации, где знание – это «делание», сравнение с образцом требует смотрения, наблюдения, видения. Эта модель восходит к Платону. Для античных мыслителей познание есть распознавание образов, а не создание научных законов⁴.

Эволюционная эпистемология представляет эпистемологическую схему, в которой познание понимается как целостный физиологически-ментальный процесс. Эволюционная эпистемология дает ответ на проблему, поставленную Кантом, – откуда приходят априорные формы познания? Ядро кантовского априоризма в том, что человек подходит к явлениям с определенными формами созерцания и мышления, с помощью которых упорядочивает эти явления. В эволюционной эпистемологии разум в процессе приобретения знаний следует определенному заранее заданному шаблону мышления (pattern). Идея, как отмечают сторонники эволюционной эпистемологии, заключается в том, что существует изоморфизм форм между концептуальной сетью науки и концептуальным порядком разума, т.е. концептуальное развитие науки идет параллельно концептуальному развитию разума. При этом разум не остается пассивным, но и не отрывается от онтологической основы, он взаимодействует с этой сетью и преобразует ее. Одна из последних и наиболее интересных моделей познания в аспекте эволюционной эпистемологии предложена У. Матурана и Ф. Варела. Познание рассматривается ими не как представление мира в готовом виде, а как непрерывное сотворение мира через процесс самой жизни. Знание трактуется как эффективное действие в той области, в которой ожидается ответ. Цель такого подхода – понять регулярность мира без какой-либо независимой от нас точки отсчета⁵.

В контексте эволюционной эпистемологии предлагаются варианты решения многих проблем, которые характеризуют трансформацию философского основания постнеклассической науки, поэтому при дальнейшем анализе трансформации знания в постнеклассической науке еще обратимся к этой эпистемологической схеме.

Итак, понятия знания, познания, субъекта и объекта имели различную интерпретацию в культурно-исторических эпохах. Этот вывод распространяется и на научное знание, хотя научное знание – особый вид знания, в котором мысль пытается найти твердые основания. Философы, определяя научное знание, подчеркивают тесную связь научного знания и истины. Знание

как осознаваемая истина. Знание – результат процесса познания, обычно выраженный в языке или в какой-либо знаковой форме и допускающий истинную оценку (А.П. Никифоров). Знание – соответствующее реальному положению дел, оправданное фактами и рациональными аргументами убеждение субъекта (В.П. Филатов)⁶. Здесь дается тройственная трактовка знания, включающая три параметра – истинность, убежденность и оправданность.

Научное знание и истина – понятия неразделимые. Обретение знания тесно связано с владением истиной. Ориентация на истину – это то, что отличает научное знание, но в то же время не противопоставляет ценности науки ценностям социального бытия. Вопрос, насколько общество нуждается в том, чтобы положить в основу нашего действия именно научное знание, а не идейные образования, отвечающие требованию эффективности, имеет ключевое значение для формирования стратегий современного социального строительства. Он позволяет осознать не просто взаимосвязь этических и эпистемологических проблем, но именно включенность эпистемологии в социальные процессы. К. Поппер называл эпистемологическим оптимизмом уверенность в способности человека открыть истину и обрести знание. Он отмечал, что эпистемологический релятивизм, т.е. отрицание объективной истины, и эпистемологический прагматизм, т.е. отождествление истинности с полезностью, тесно связаны с авторитаризмом и тоталитаризмом.

Опираясь на сказанное выше в отношении «знания» как категории гносеологии, обратимся к анализу научного знания и рассмотрим, какие трансформации произошли в научном знании в связи с формированием постнеклассической парадигмы научности во второй половине XX в.

Типология науки (классическая, неклассическая, постнеклассическая) была предложена В.С. Степиным для естественно-научного знания, она разрабатывалась на материале физики. Но сегодня данная типология экстраполирована и на гуманитарное знание благодаря работам В.Г. Федотовой и других исследователей. Прежде всего отметим, что становление постнеклассической парадигмы не означает вытеснение классических и неклассических стандартов научности. В научном сообществе мирно «сосуществуют» и работают сторонники трех парадигм научности. Как ньютоновская механика является центром классической науки, а квантовая механика – неклассической, так эволюционно-синергетическая парадигма – ядро постнеклассической⁷.

Типы научности детерминированы характеристиками объекта и способами взаимодействия с ним. Так, объектом постнеклассической науки являются сложные саморазвивающиеся системы, например экологические системы, биосфера. Такие системы характеризуются не только сложностью, большим числом элементов, из которых состоят, спонтанным характером процессов, но и тем, что включают в себя человека. Отсюда их название – «человекомерные объекты». Здесь возникает и совершенно новая гносеологическая ситуация: субъект уже не противостоит объекту, он занимает по отношению к объекту не внешнюю позицию («внепо-

ложенность субъекта объекту»), а сам является участником изучаемых процессов.

Эволюция в постнеклассической науке понимается как коэволюция, как системно организованный процесс, сущность которого определяется идеей глобального эволюционизма. Наиболее характерной особенностью постнеклассической науки является синергетика – междисциплинарное знание, предмет которого – явление самоорганизации. Синергетика (лат. *sinergeia* – сотрудничество, кооперация, содружество) новое системное видение мира поднимает на новый уровень – динамического подхода к структурированным целостностям. Синергетикой называют совокупность знаний о самоорганизации, кооперативных процессах, нелинейности, порядке и хаосе.

До сих пор не утихают споры о статусе знания, именуемого синергетикой. Что это – научная теория? Тогда какая именно – физическая, химическая, биологическая..? Было высказано мнение, что синергетика – мировоззрение, или особое «мировоззренчески нагруженное знание». В то же время синергетику с самого начала определили в разряд междисциплинарного знания, подобного ранее возникшим междисциплинарным отраслям – информатике, кибернетике, общей теории систем. Но в синергетике речь уже идет не о системах как таковых, а о *процессе* структурирования, о самоорганизации. Можно сказать, что в отличие от ОТС синергетика изучает системы не в статике, а в динамике. Принимая эстафету у кибернетики, объектами которой выступали лишь искусственные и живые системы, синергетика процессы самоорганизации выявляет и в неживой природе. Область явлений, находящаяся в поле внимания синергетики, – это так называемые диссипативные (от *dissipate* – рассеивать) структуры. Однако так и нет единого мнения по поводу статуса синергетики. Ее оценивают и как картину мира, и как язык современной науки, и как научную парадигму, и как отдельную научную дисциплину. Может быть, статус синергетики до сих пор не обозначен в связи с тем, что однозначное определение места синергетики в сложившейся системе знания невозможно. Она попросту не укладывается в «прокрустово ложе» дисциплинарно организованного знания, в привычное деление на научное, ненаучное, метафизическое и прочее. Осуществляя преемственность в развитии междисциплинарного знания – информатики, кибернетики, общей теории систем, – синергетика в то же время представляет собой новое явление в науке, которое само по себе весьма симптоматично, и заставляет задуматься о том, что дисциплинарная структура научного знания, к которой мы привыкли, в данном случае просто непригодна.

Синергетические процессы – это процессы, детерминированные целостностью, конфигурацией взаимодействий, местом в структуре. Важным аспектом самоорганизации является то, что части ведут себя согласованным образом. Синергетика формирует новое представление об объективности описания мира, это описание проективное. Она как бы предлагает проект действий, поскольку в рамках синергетического видения не может быть одной абсолютной истины. Точное, однозначное знание об объекте осталось прерогативой классической науки, объект которой может быть определен

однозначно. Закономерности микромира, изучаемого неклассической наукой, определяются статистическим детерминизмом. Порядок бифуркационных событий не определяется и вероятностно. И. Пригожиным введено понятие имманентной случайности для описания бифуркационных процессов. В связи с выявлением нового типа детерминизма изменился и характер знания такого типа процессов. В контексте синергетического познания «знать – значит вести себя адекватным образом в ситуациях, связанных с индивидуальными актами или кооперативными взаимодействиями»⁸.

Синергетика есть своего рода мост между системой как целостностью и частями, она ориентирована на взаимодействие, на согласованность целого и части, микро- и макроуровней. Отсюда актуальность синергетики при изучении таких систем, как «организм – окружающая среда».

Анализируя особенности знания в постнеклассической науке, следует отметить повышение значения социально-экономических факторов и целей как параметров, детерминирующих развитие науки. Главной чертой современного идеала научности являются высокая социально-практическая ориентированность. Критерии научности не предопределены теорией, они постоянно доопределяются жизнью, сопоставляются с реальной практикой науки. В обозначенном контексте под сомнение была поставлена теория знания как ментального представления, на смену ей пришла теория социального конструкционизма. Новая парадигма знания связана с отказом от метафоры сознания как зеркала внешнего мира. Она в значительной степени опирается на идеи Л. Витгенштейна, на его концепцию значения слова, сопряженного с конкретным видом социальной практики (языковой игрой).

В.С. Степин в книге «Теоретическое знание» сопоставляет понимание истины и условия ее получения в классической, неклассической и постнеклассической науке. Классическая наука полагает, что условием получения истинных знаний об объекте является элиминация при теоретическом объяснении всего, что относится к субъекту. Неклассическая наука (ее образец – квантово-релятивистская физика) учитывает связь между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности, в которой обнаруживается и познается объект. Постнеклассический тип научной рациональности расширяет поле рефлексии над деятельностью. Он учитывает соотношенность получаемых знаний не только со средствами деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Знать в синергетическом аспекте – означает уметь вести себя адекватным образом в ситуациях, связанных с индивидуальными актами или кооперативными взаимодействиями, все чаще технологические проекты проходят социальную экспертизу. Джону Кеннеди приписывают фразу, которая для современной науки имеет сакраментальный смысл: «У меня есть тысячи специалистов, которые могут построить пирамиду, и нет ни одного, который знал бы, стоит ли ее строить». Не означает ли сказанное, что на пути синергетики происходит формирование «мыслящей науки»? Здесь хочется вспомнить Аристотеля и его деление на знание – опыт и знание – искусство. Имеющие опыт, знают «что», но не знают

«почему». Владеющие искусством, знают «почему». Может быть, модель знания, формирующаяся в постнеклассической науке, есть умудренное знание, знание – мудрость? Тогда наука, поднимаясь до этого уровня, становится наукой понимающей.

Итак, ценности знания в постнеклассической науке сопряжены не с абсолютными истинами, а с социальной значимостью. Современная эпистемология отказывается от классического фундаментализма (знание должно строиться на твердых и безошибочных основаниях). Вопрос об обоснованности знания решается с нефундаменталистских позиций. Знание по форме остается кодифицированной информацией, по сути, становится социальной программой. Эволюционно-синергетическая парадигма является примером такого знания нового типа. Это трансдисциплинарное знание, которое характеризуют как кооперацию различных научных областей и как перенос когнитивных схем из одной области в другую. Познание сложных саморазвивающихся систем не под силу, как отмечает Э. Морен, интеллекту, ориентированному на редукцию и разъединение, узкоспециализированному и разгороженному внутренними перегородками. Это задача для интеллекта, способного рассматривать контекст и планетарную сложность⁹.

Трансформации в концепте знания обусловлены преобразованиями в когнитивном пространстве синергетики, обозначаемыми как коммуникативность. Об этом пишут В.И. Аршинов, В.Г. Буданов, У. Матурана, Г. Хакен, И. Пригожин и др. Перечислим некоторые аспекты, характеризующие коммуникативность синергетики.

Поскольку вблизи точки бифуркации система чрезвычайно чувствительна к внешним воздействиям, в том числе и со стороны наблюдателя, то здесь наблюдатель не может быть классическим, он включен в систему. В синергетическом мире нет неизменного наблюдателя, наблюдатель формируется в потоке коммуникативных событий. В мире становления вопрос «что является объектом познания?» бессмыслен, здесь снимается субъектно-объектный дуализм. Как уже отмечалось, знать – значит уметь вести себя адекватным образом в ситуациях, связанных с индивидуальными актами или кооперативными взаимодействиями. Синергетика формирует единую картину мира, в которой человек укоренен в природе. Мир и человеческое бытие соразмерны и потому конструирование искусственной природы и социальных институтов осуществляется в единой сети взаимодействий. Г. Хакен предлагает рассматривать синергетику как науку о коллективном поведении, организованном и самоорганизованном, причем поведение это подчиняется общим законам¹⁰.

И.Р. Пригожин характеризует коммуникативность синергетики через коммуникативную функцию хаоса, под которой понимается его (хаоса) творческое, креативное начало.

Следующий аспект коммуникативности синергетики – это взаимодействие веры как традиции, как коммуникативной среды и знания как теории. Актуализация проблемы соотношения веры и знания в постнеклассической науке возникает вследствие новой коммуникативной ситуации в познании. Покажем, что синергетика актуализирует диалог веры и знания в познавательном пространстве постнеклассической науки.

Вопрос о соотношении веры и знания всегда интересовал философов. Обсуждая эту проблему, следует учитывать историзм в трактовке феноменов «знание», «вера», а также изменение характера их взаимосвязи. Выше были рассмотрены основные трактовки знания. Что такое вера, ответить однозначно также невозможно. Кант выделял четыре типа веры. Рассматривая вопрос соотношения веры и знания, он пришел к необходимости ограничить («приподнять») знание, чтобы освободить место вере. Локка отмечал, что вера стоит сама по себе и на своих собственных основаниях. Когда вера доведена до достоверности, она разрушается, тогда это уже не вера, а знание. У Витгенштейна «я верю» и «я знаю» совпадают. В позитивистской традиции они разделены известным способом – демаркацией.

Зачастую к понятию «вера» обращаются, говоря о мире субъекта. А категорию «знание» применяют к объективному миру. Но такой подход предполагает в качестве фундаментального допущения положение о субъектно-объектном дуализме. В диалоговой эпистемологии знание и вера не противопоставляются. Знание и вера различались и по механизму обоснования. Вера и знание имеют основания, но их основания различны. Знание обосновывается логически и эмпирически и, обретая статус истины, обретает когнитивную и социальную ценность. Вера базируется на подтверждающем ее опыте, на коммуникативной, социокультурной апробации. Через это возрастает роль когнитивной веры (принятие на веру интерпретационного знания). Коммуникативный характер когнитивного пространства синергетики – причина обращения философии науки к старой проблеме соотношения знания и веры, актуализируемой в герменевтических моделях познания. Ю. Хабермас ввел понятие коммуникативной рациональности и коммуникативного действия, характеризуя современную парадигму науки. Принципиальное отличие коммуникативного действия в том, что оно ориентировано не на успех, а на нахождение взаимопонимания между разными социальными субъектами. В постнеклассической науке, как показано выше, важной чертой идеала научности как раз и является высокая социально-практическая ориентированность.

Анализируя особенности знания в постнеклассической науке, нельзя не обратиться к проблеме обоснования научного знания. Возникает проблема, каким образом ввести в эпистемологию исторические, темпоральные, социокультурные параметры? Как переосмыслить категорию истины и объективность научного знания в связи с трактовкой познания как интерпретативной деятельности, с внедрением конструктивистских идей? Опытное созерцание и редукция не достаточны для суждения о достоверности знания сложных, спонтанных систем. Рассматривая исторические периоды в росте научного знания, выделяют три основных исторических периода. Как отмечает Н.Ф. Овчинников, в первый период внутри разнообразных философских картин мира происходит вызревание научной мысли. Во второй период завершается формирование классической науки и реализуется стремление к редукции.

В третий период, продолжающийся ныне, развертывается многообразие научных дисциплин и возникает тенденция к преодолению этого многообразия на пути объединяющих принципов, ведущих к достоверности. Поэтому третий период в развитии научного знания можно назвать периодом поиска объединяющих принципов¹¹.

В постнеклассической науке поставлены под сомнение принципы фундаментализма, универсализма и редукционизма. На первый план выходят принципы системности, историзма, обсуждается антропный принцип. Характеризуя эти перемены, исследователи фиксируют субъективацию знания, отмечают, что роль субъекта в формировании знания стала другой. Но как быть с релятивизмом, можно ли его избежать? Научное знание как логическая структура опирается уже не на природу, а на историю, ситуацию, контекст, отмечает Л.А. Маркова. Об объективности здесь, если и можно говорить, то не в смысле соответствия действительности, а в смысле независимости в равной степени и от субъективного, и от предметного полюса познавательного процесса. Научное знание как бы самодостаточно, устойчиво, укоренено в своих собственных основаниях¹².

Возникает вопрос: а не превращается ли в таком случае научное знание в некое подобие литературного творчества? Не ведет ли субъективация знания к нарушению равновесия в диалектике субъективного и объективного в научном знании? Эта проблема – одна из наиболее дискуссионных в современной философии науки.

Интересные соображения по этому вопросу высказаны Я. Хакингом в работе «Представление и вмешательство». Конечно, наши знания суть представления и они культурно обусловлены. Но если бы реальность была просто свойством представления, то реализм не был бы проблемой. Эта проблема возникает потому, что у нас есть альтернативные системы представления. Согласно Я. Хакингу, реальным мы можем считать то, с чем мы можем вмешиваться в мир, для того чтобы действовать на что-либо еще, или то, что мир может использовать, чтобы влиять на нас.

Понятие перспективного реализма введено Р. Гиром в его книге «Наука без законов», где автор выделяет оппозицию закон – модель. Х. Ленк выдвигает средний вариант, предлагая сохранить и модели, и законы, и теории. Теории идут дальше приспособления к истине, каждая из них – это сложный интерпретационистский конструкт, некоторый формируемый в процедурах, действиях и техниках способ обращения как со срезами внешнего мира, потенциальными моделями, реальными системами, так и со смыслами (ментальными сущностями, идеальными конструктами)¹³.

В данной статье были выделены и проанализированы некоторые аспекты трансформации знания в постнеклассической науке. Этот сложный процесс удастся понять более глубоко через сопоставление знания с истиной (проблема объективности научного знания), знания и реальности (проблема научного реализма), знания и метода (проблема научной рациональности). Но это предмет отдельного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Псевдонаучное знание* в современной культуре (Материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2001. № 6. С. 15.
2. *Обсуждаем статью «знание»* // Эпистемология и философия науки. 2004. Т. 1, № 1. С. 131–141.
3. *Понятие* эпистемологической схемы введено и рассматривается в работах автора: Черникова И.В. Эпистемологическое обоснование научных концепций // Материалы 3-й Всероссийской конференции «Традиционные инновационные процессы в образовании». Томск, 1998; Черникова И.В. Философия и история науки. Томск, 2001; Черникова И.В. Эпистемологические схемы или когнитивные практики как основание научных парадигм // Ноосферные знания и технологии. Томск, 2006. Вып. 2. С. 27–39.
4. *Микешина Л.А.* Философия познания. М., 2002. 617 с.
5. *Матурана У., Варела Ф.* Древо познания: биологические корни человеческого понимания. М., 2001. С. 447; *О специфике* классической, неклассической и постнеклассической парадигм научности подробно написано в книге автора «Философия и история науки». Томск: НТЛ, 2001. 370 с.
6. *Обсуждаем статью «Знание»* // Эпистемология и философия науки. 2004. Т. 1, № 1. С. 131–141.
7. *О специфике* классической, неклассической и постнеклассической парадигм...
8. *Аришинов В.И.* Синергетика как феномен постнеклассической науки. М., 1999. С. 157.
9. *Вызов* познанию. Стратегии развития науки в современном мире. М., 2004. С. 7–38.
10. *Хакен Г.* Тайны природы. Синергетика: наука о взаимодействии. Москва; Ижевск, 2003.
11. *Овчинников Н.Ф.* Поиски достоверности // Философия науки. М., 2001. Вып. 7. С. 75–92.
12. *Маркова Л.А.* Самодостаточность вместо объективности (в науке и в искусстве) // Человек. Наука. Цивилизация. М., 2004. С. 224–235.
13. *Ленк Х.* Оперативные и теоретико-деятельностные аспекты технологической теории науки // Человек. Наука. Цивилизация. М., 2004. С. 293–302.

Статья представлена кафедрой философии и методологии науки философского факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Философские науки» 10 марта 2006 г., принята к печати 14 марта 2006 г.